

А. С. Палкин

ПРОЕКТ ПЕРЕСМОТРА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СТАРООБРЯДЦАХ, СОСТАВЛЕННЫЙ П. А. ВАЛУЕВЫМ В 1863 ГОДУ*

В статье рассматривается составленная П. А. Валуевым в 1863 г. «Записка о пересмотре законодательства о раскольниках» в контексте политических изменений первых лет царствования императора Александра II. Указанный проект упоминается в ряде публикаций, посвященных конфессиональной политике рассматриваемого периода, но его подробный анализ в научной литературе не проводился. «Записка» представляет собой документ, в котором переплелись консервативные тенденции прошедшего николаевского царствования и новые веяния, проводником которых были либерально настроенные люди из окружения Александра II. В анализируемом документе есть ряд противоречий, в которых отразились как противоречия переходной эпохи первых лет правления Александра II, так и проблемы в отношениях между государством, Православной Церковью и старообрядцами.

В статье прослеживается влияние на «Записку» предшествовавшего законодательства и дискуссий по старообрядческому вопросу. В свою очередь, некоторые положения «Записки» привели к новому витку обсуждений проблем старообрядчества и единоверия духовными и светскими властями, а также послужили основой для реформ законодательства о староверах в 1860-е — 1870-е гг.

Не все пункты и принципы, изложенные в «Записке», были воплощены в жизнь. Однако изучение нереализованных или реализованных не полностью проектов реформ представляет важную исследовательскую проблему. Включение подобных источников в научный оборот позво-

---

* Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта № 33.2182.2017/4.6 («Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти») госзадания МО РФ научным коллективам исследовательских центров и (или) научных лабораторий образовательных организаций высшего образования на 2017–2019 гг.

ляет лучше понять механизмы принятия решений в ходе работы над новыми законами и проведением реформ.

Ключевые слова: *старообрядчество, единоверие, Великие реформы, П. А. Валуев, С. С. Ланской, Александр II, митрополит Филарет (Дроздов), законодательство о старообрядцах.*

Первые годы правления Александра II представляют значительный интерес для исследователей как эпоха, переходная от консерватизма предшествующего царствования к эпохе либеральных Великих реформ. Процесс перехода был медленным и не был лишен противоречий. В полной мере это отразилось и на государственной политике в отношении старообрядчества. Какое-то время она продолжала развиваться по инерции, приданной ей в николаевскую эпоху. Изначально новый император не планировал серьезно менять сложившуюся систему отношений к старообрядцам, находя ее достаточно справедливой и находящейся в духе «евангельского учения и любви христианской». Он полагал, что «неудобства, теперь оказывающиеся (старообрядцам. — А. П.), происходят не от самой системы действий в отношении раскольников, но от неточного и неправильного исполнения оной, происходящего или от неблагонамеренности исполнителей в низших инстанциях, или, может быть, и от неумышленности по недостаточному знанию многочисленных и разнообразных узаконений на счет раскола, в различное время и по разным ведомствам изданных». В связи с этим в 1858 г. император считал необходимым провести систематизацию распоряжений, касающихся староверов, и разослать на места точные инструкции¹, однако окружение будущего царя-освободителя склоняло его отойти от «николаевских» методов борьбы с расколом².

Уже с 1856 г. в правительственных кругах постепенно начинает формироваться новое отношение к староверию, что, однако, не означало прекращения притеснений и гонений. Таким образом, две тенденции существовали параллельно, причем новые отношения медленно вытесняли старые. Наиболее показательным в этом плане дело о запечатании

¹ Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб.: Тип. МВД, 1860. Кн. 2 (1801–1858). С. 792–793 (далее приводится в сокращении: СППЧР).

² Одна из достопамятных речей императора Николая Павловича // Братское слово. 1893. № 18. С. 660.

алтарей на старообрядческом Рогожском кладбище в 1856 г. Представители духовных и светских властей заняли противоположные позиции по вопросу о судьбе рогожских храмов. Министр внутренних дел С. С. Ланской и московский генерал-губернатор А. А. Закревский были против запечатания алтарей, поскольку, как они полагали, для этого не было законных оснований. Представители духовной власти во главе с митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым) полагали необходимым закрыть алтари (а при возможности и сами храмы) в целях ослабления раскола³.

В своем докладе Александру II С. С. Ланской писал о том, что даже при применении самых строгих мер в отношении старообрядцев удалось избежать серьезных волнений и беспорядков, поскольку «был всегда строго соблюдаем установленный законом порядок». Также он полагал, что нужно продолжать действовать в соответствии с принципами, сформулированными в николаевское время: крайней осторожностью, осмотрительностью и единством в действиях относительно старообрядцев. Действовать таким образом в отношении староверов необходимо, чтобы избежать излишнего недовольства старообрядцев, ухода староверов и их капиталов за границу. Ланской полагал, что главной целью правительства должно быть «пресечение распространения раскола и обнаружение тайных его сношений с заграничными сообщниками», а преследование рядовых старообрядцев приведет к их радикализации и переходу на нелегальное положение. В таком случае властям будет сложнее вести за ними наблюдение⁴. Представленные мысли Ланского интересны тем, что относительно либерально настроенный министр пытается убедить императора, воспитанного в консервативном духе, смягчить позицию по старообрядцам. Ланской использует различные аргументы: апеллирует к принципам государственной пользы, сформулированным еще в XVIII в., законодательству Николая I, а также к либеральному принципу верховенства закона.

Интересен итог этих высказываний. В ближайшей перспективе его точка зрения потерпела поражение: победили сторонники митрополита Филарета — алтари были запечатаны (их открытие состоялось только

---

³ Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М., 2005. С. 38.

⁴ Всеподданнейший доклад министра внутренних дел Ланского // Братское слово. 1891. Т. 2. С. 642–646.

в 1905 г.)⁵. Однако уже в январе 1858 г. по инициативе императора была намечена новая система⁶, в основу которой во многом легли принципы, сформулированные Ланским в 1856 г.⁷

Новая система подразумевала четкое разграничение полномочий в делах борьбы с расколом. Преследование староверов становилось прерогативой исключительно гражданской власти. Священникам запрещалось писать доносы чиновникам, отныне они должны были обращаться к епархиальным архиереям, а последние уже должны были обращаться к светским властям. «Давнишние раскольники» не преследовались за мнения о вере, но наказанию подлежали «совратители» православных в старообрядчество или староверы, допускаявшие «публичное оказательство» раскола⁸. Для староверов вводилась своеобразная презумпция невиновности, когда преследование можно было начинать только после сбора достаточного количества доказательств⁹.

Видимо, император принял решение об изменении политического курса в отношении старообрядцев после более глубокого знакомства с системой, которую он реформировать не планировал. Сам Александр II (очевидно, не без помощи своего окружения) обнаружил ряд проблем, затруднявших решение старообрядческого вопроса: отсутствие специальных исследований и статистических данных по расколу, что порождало «неправильное» суждение о расколе; непропорционально широкий круг действий Секретного комитета. Он полагал также, что «раскольничьи» дела необходимо вести общим порядком, т. е. как для всех подданных Российского императора¹⁰. Императора также не устраивало то, что Секретный комитет «занимается гораздо более рассматриванием много-

---

⁵ Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 35–45.

⁶ Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае и Александре II, пополненные запискою Мельникова. Лейпциг, 1882. С. 43–50.

⁷ СППЧР. Кн. 2. С. 832–835.

⁸ Под «публичным оказательством» понимались следующие действия: крестные ходы; пение вне молелен; пение внутри молелен, если его было слышно снаружи; торжественное совершение крещения и брака; похоронные процессии в особых одеяниях и с пением; ношение староверами монашеского одеяния; открытие моленных, установка над ними крестов; колокольный звон. См.: СППЧР. Кн. 2. С. 833.

⁹ Там же. С. 832–835.

¹⁰ Еришова О. П. Старообрядчество и власть. М., 1999. С. 167.

численных частных случаев, чем решением общего вопроса о системе действий правительства в отношении к расколу»¹¹.

Новая система начала воплощаться в жизнь уже в 1858 г., когда по распоряжению императора суды на местах стали прекращать преследование старообрядцев по делам о сводных браках¹². В 1859 г. митрополит Петербургский Григорий писал архиепископу Олонецкому Аркадию (Федорову, бывшему Пермскому архиерею), что «высшее правительство не желает употреблять против раскольников никаких принудительных мер», а также предписывает обходиться «...в распространении и укреплении веры без всякой помощи от гражданской силы»¹³.

При сохранении основных законодательных ограничений, с рубежа 50-х — 60-х гг. XIX в. в отношениях власти и старообрядчества начали происходить определенные сдвиги. Помимо уже упомянутого ослабления преследований, начался также очень важный процесс постепенного дарования староверам гражданских прав. Разрабатывали такие проекты как частные лица, например, единоверческий священник Иоанн Верховский и близкие к нему в идеологическом плане люди¹⁴, так и руководство МВД.

Важное место среди проектов реформ законодательства о старообрядцах занимает «Записка» министра внутренних дел П. А. Валуева на имя императора от 4 октября 1863 г.¹⁵ Этот документ весьма важен для понимания изменений в государственной политике в отношении старообрядцев. Однако последний раз исследователи обращались к нему подробно еще в XIX в., тогда же он был опубликован¹⁶. В указанной работе В. В. Болотов полностью приводит текст «Записки», но основное внимание он уделяет деятельности комитета 1864 г., созданного по итогам «Записки». В относительно новых работах «Записка» лишь

---

¹¹ РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 49. Л. 44–44 об.

¹² Там же. Ф. 796. Оп. 205. Д. 508. Л. 2 об.

¹³ Там же. Д. 857. Л. 6.

¹⁴ Например, «Записка неустановленного лица «Statu quo» о состоянии раскола в России с предположениями о необходимых изменениях в законодательстве о старообрядцах», датированная 9 марта 1863 г. См.: РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 510.

¹⁵ РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 282.

¹⁶ Болотов В. В. Двадцать лет законодательных реформ по расколу // Христианское чтение. 1886. №3–4. С. 465–490.

упоминается¹⁷. Проект Валуева интересен в качестве попытки решения старообрядческого вопроса в условиях набравших обороты либеральных реформ. «Записка» была закончена 2 октября 1863 года, отправлена в письменном виде государю 4 октября и представлена Валуевым на заседании комитета министров 8 октября¹⁸.

П. А. Валуев писал о противоречиях в существующей законодательной системе и правоприменительной практике в отношении старообрядцев. С одной стороны, старoverы не должны были преследоваться за мнения о вере (эта формула существовала еще в николаевское время и была закреплена в статье 60 XIV тома Свода законов Российской империи («Устав о предупреждении преступлений»)), а с другой стороны, система действий в отношении старообрядцев одного из предшественников Валуева, Д. Г. Бибикова¹⁹, к середине 1850-х гг. серьезно ограничила права старообрядцев даже на непубличные моления, а также их имущественные права²⁰. Валуев рисовал довольно безрадостную картину. Он указывал на различия между официальными данными (по ним старoverов насчитывалось 875 тыс. душ) и данными Центрального статистического комитета, по которым выходило, что старoverов около 8,5 млн душ (1/10 всего наличного населения империи, 1/6 всего православного населения!)²¹.

Вот что писал Валуев о сложившейся ситуации: «...8 миллионов верноподданных Вашего Величества не имеют в настоящее время не только свободы религиозных верований, но и общих гражданских прав по имуществу, происхождению и участию в делах общественных. Иногда закон обходят, иногда допускаются изъятия, иногда практика заступает место закона. Таким образом, наследства переходят к наследникам большею частью безгласно, под видом частных сделок, моленные большею частью закрыты, но допущены исключения, права гражданские не

¹⁷ Ершова О. П. Старообрядчество и власть. С. 168; Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 46.

¹⁸ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1 (1861–1864). М., 1961. С. 249–250.

¹⁹ Подробнее о системе Бибикова см.: Marsden T. The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers, 1841–1855. Oxford: Oxford University Press, 2015.

²⁰ РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 282. Л. 4–5.

²¹ Там же. Л. 13–13 об.

признаны и нет собственно актов гражданского состояния»²². Таким образом, министр отмечал, что повседневная жизнь огромного числа российских подданных практически выведена за рамки закона.

В «Записке» П. А. Валуев выделяет основные проблемы, препятствующие разрешению старообрядческого вопроса в империи. Во-первых, это непоследовательность властей, заключающаяся в избирательном применении законов. Например, запрещены «сходбища» старообрядцев, но они регулярно встречаются; преследуются не все белокриличные архиереи, несмотря на то, что все они известны²³. Здесь упоминается тот же принцип верховенства закона, о котором ранее писал Ланской.

Во-вторых, Валуев выступал категорически против вмешательства духовных властей в дела старообрядцев. Существовавшая в течение двух веков система «соединенного противодействия» расколу со стороны духовной и гражданской властей видится Валуевым как одно из самых существенных препятствий к ослаблению раскола. Вмешательство духовных властей, по его мнению, приводит к «ожесточению сектаторов против гражданской власти». Делами старообрядцев должна заниматься только светская власть, которая не должна быть «обязываема исполнять в отношении к сектаторам какие-либо требования власти духовной»²⁴. Такой подход без преувеличения можно назвать радикальным. Старообрядцы в Российской империи рассматривались как православные, ушедшие в раскол. До 1905 года они не имели статуса особой конфессии и относились к ведомству православного вероисповедания. Применение на практике предложенного Валуевым принципа привело бы к кардинальным изменениям в конфессиональной политике государства и означало существенный шаг в сторону утверждения свободы вероисповедания в России. Интересно отметить, что сами старообрядцы неоднократно подавали прошения о выводе их из подчинения духовным властям и подчинении властям светским²⁵. Такие проекты, как правило,

---

²² РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 282. Л. 13 об. – 14.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 15, 16–16 об.

²⁵ См., напр., о проектах 1818, 1826–1827: *Байдин В. И.* Старообрядчество Урала и самодержавие... С. 95, 109. *Палкин А. С.* Единоверие в середине XVIII — начале XX века: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016. С. 110–111.

отклонялись правительством, но случались и исключения. Подчинялись светской власти (наказному атаману), а не духовной и старообрядцы Уральского казачьего войска, формально принявшие единоверие на условиях устройства так называемых «благословенных церквей»²⁶.

В-третьих, Валуев полагал, что старообрядчество распространено только среди людей, не имеющих даже самого поверхностного европейского образования. «Таким образом, ограничение раскола пределами невежества уже изобличает, что он, собственно, не образует самостоятельного вероисповедания и держится столь упорно едва ли ни силою того именно гнета, который против него направлен»²⁷. Валуев не признавал старообрядчество в качестве самостоятельной конфессии и полагал, что «нужно помнить и об охране достоинства православной господствующей церкви от соблазна, сопряженного с публичным оказательством ересей и сектаторской пропаганды»²⁸.

Приведенные выше размышления П. А. Валуева не лишены противоречий. С одной стороны, он настаивает на невмешательстве духовных властей в дела раскола, с другой стороны, полагает, что старообрядчество не образует самостоятельного исповедания. Министр утверждает о необходимости охранять интересы Русской Православной Церкви как господствующей конфессии, но при этом заявляет о необходимости вывода старообрядцев из-под ее подчинения, что привело бы к уменьшению ее влияния в старообрядческой среде.

На этих основаниях Валуев предлагал пересмотреть государственную систему отношения к староверам. Основные предложения Валуева были сформулированы в 12 пунктах²⁹.

Он предлагал пересмотреть нынешнюю классификацию «сект»³⁰ и распределить оные на более и менее вредные (признаки: молитва за царя и признание браков) (п. 1). «Особо вредным сектам» предписывалось не давать никаких облегчений, наставников предавать суду. Дела о распространении ими своего учения производить без очереди и решать по всей строгости закона (п. 6). В отношении к «сектам вредным» ми-

²⁶ Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX века... С. 272–274.

²⁷ РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 282. Л. 17–17 об.

²⁸ Там же. Л. 17 об. – 18.

²⁹ Там же. Л. 18–24.

³⁰ Старообрядцы в тексте проекта называются «раскольниками» и «сектаторами».

нистр предлагал допустить только отмену ограничений в правах промышленных и торговых на местах их водворения. Всех последователей этих «сект», обнаруживавших свою «ересь», отдавать под полицейский надзор и в полной мере применять к ним правила о надзоре (п. 8).

Большую снисходительность закон должен был предусматривать для тех, кто примет молитву за царя и брак. Им планировалось разрешить «беспрепятственное совершение религиозных обрядов, не сопряженных с публичным и торжественным оказательством ереси <...> На сем основании постепенно разрешить открытие запечатанных молелен, а затем разрешить и постройку новых, с должною, впрочем, осмотрительностью, по предварительном убеждении в действительной надобности в них для удовлетворения религиозных нужд сектаторов, и без особых принадлежностей и наружных украшений, свойственных православным церквам, например, колоколов, наддверных икон и т. п.». Им дозволялось совершение погребальных обрядов на кладбищах, но запрещались торжественные похоронные процессии и крестные ходы (п. 2). Их священнослужители и наставники не должны были подвергаться преследованиям, но духовный сан за ними не признавался. Они должны были числиться в своих сословиях.

«Менее вредным сектам» был положен ряд льгот: право занимать определенные общественные должности; право на награды и отличия; права торговые; право свидетельствования; право на получение паспортов; право въезда в Россию из-за границы; ограничение осмотра жилищ «сектаторов» по подозрениям полиции общими для производства следствия правилами; введение нового порядка содержания списков о «раскольниках». Частично эти положения были реализованы уже в 1863–1866 гг.

В пункте 9 предлагалось фактически ввести гражданскую регистрацию рождений, браков и смертей. Сведения об этих событиях старообрядцы должны были подавать в полицию. В случае неисполнения должен был назначаться денежный штраф. Этот пункт был реализован в 1874 г.

Пункт 11 разрешал старообрядцам терпимых согласий учреждать школы под наблюдением Министерства народного просвещения. Планировалось из этих школ не исключать ни православных, ни иноверцев. В этих школах не допускать религиозного обучения по правилам «сект», но и не делать обязательным преподавание Закона Божьего по православ-

ным догматам, ограничивая круг учения светскими предметами. Фактически это был шаг к созданию светской школы, отдельной от Церкви.

Также Валуев предлагал Синоду обсудить два важных вопроса. Во-первых, был поднят вопрос о развитии единоверия (п. 4), чтобы сделать его более привлекательным для старообрядцев. Очевидно, об этом пункте знали и представители единоверческих элит, разработавшие в конце 1863 — начале 1864 гг. два проекта реформ единоверия, которые не были поддержаны духовными властями³¹. Во-вторых, министр предлагал Синоду обсудить обычай, существовавший в 1820-х гг., по которому допускалось совершение браков старообрядцев в православных церквях без требования перехода их в православие. Такая практика действительно существовала в Пермской губернии на рубеже 1830-х — 1840-х гг., но, видимо, недолго³². Естественно, этот пункт впоследствии также встретил жесткий отпор в Синоде.

Интересно отметить, что П. А. Валуев, считавший, что делами старообрядчества должны заниматься светские власти, планировал возложить на губернаторов и других чиновников обязанность осторожно продвигать мысль о соединении староверов с Церковью, напоминая старообрядцам о сделанных им послаблениях (п. 5). Этот пункт выглядит труднореализуемым, поскольку даже в николаевские времена светские власти далеко не всегда подходили к делу обращения старообрядцев с ожидавшимся от них энтузиазмом.

Для реализации положений проекта П. А. Валуев предлагал по возможности пользоваться административным порядком, а к законодательным мерам прибегать лишь для отмены существующих законов. Для обсуждения проекта Валуев предлагал создать Особый комитет, заключение которого нужно было вынести на рассмотрение императора в Совете министров (п. 12). Деятельность этого комитета, действовавшего в 1864 г., достаточно подробно описана в приведенной выше литературе.

Проект П. А. Валуева занимает важное место в истории законодательства о старообрядцах. Он опирался на опыт предшествующего

³¹ Палкин А. С. Единоверие в середине XVIII — начале XX века... С. 241–248.

³² РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 48. Л. 32 об. – 34. Интересно отметить, что подобная практика существовала в начале XIX в. в Нижнетагильском заводе и его окрестностях: Белобородов С. А. Старообрядческие священники Нижнего Тагила в конце XVIII — первой трети XIX в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Социально-политическая история. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. В 2 ч. Ч. 1. С. 169–171.

законодательства и развивал принципы, сформулированные С. С. Ланским в докладе Александру II в 1856 г. и частично реализованные в рамках «новой системы» 1858 г. «Записка» Валуева прекрасно вписывается в контекст эпохи Великих реформ и является одним из звеньев в цепочке проектов изменений государственной системы отношения к старообрядчеству, проводившихся с конца 50-х гг. XIX в. до начала XX в. Как и во многих других реформах того времени, в проекте Валуева были заложены серьезные противоречия, отражавшие, с одной стороны, либеральные настроения части высшей бюрократии, а с другой стороны, направленные на укрепление существовавших порядков. Это может быть обусловлено тем, что Валуев пытался провести либеральные инициативы, окружая и обосновывая их консервативными мотивами (подобно тому, как это делал С. С. Ланской за несколько лет до того), чтобы облегчить их принятие монархом, склонным к консерватизму. Несколько положений проекта имели явно радикальный характер и не могли быть приняты в тогдашних условиях. Так, отделение школы от церкви произошло только в 1918 г. уже при большевиках. Однако относительно умеренные положения были реализованы уже в течение десятилетия. Самым значительным следствием проекта Валуева было введение гражданской регистрации старообрядческих браков и новорожденных в 1874 г. Принципы, сформулированные в «Записке», легли и в основу знаменитого закона от 3 мая 1883 г., от которого оставался лишь один шаг до введения веротерпимости в 1905 г.

Список литературы

1. *Marsden T.* The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers, 1841–1855. Oxford: Oxford University Press, 2015.
2. *Байдин В. И.* Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII — середина XIX вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1983.
3. *Белобородов С. А.* Старообрядческие священники Нижнего Тагила в конце XVIII — первой трети XIX в. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Социально-политическая история. Екатеринбург, 2009. Вып. 7. В 2 ч. Ч. 1. С. 167–178.
4. *Болотов В. В.* Двадцать лет законодательных реформ по расколу // Христианское чтение. 1886. № 3–4. С. 465–490.
5. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел Ланского // Братское слово. 1891. Т. 2. С. 642–646.

А. С. Палкин

6. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1 (1861–1864). М., 1961.
7. *Ершова О. П.* Старообрядчество и власть. М., 1999.
8. Извлечения из распоряжений по делам о раскольниках при императорах Николае и Александре II, пополненные запискою Мельникова. Лейпциг, 1882.
9. Одна из достопамятных речей императора Николая Павловича // Братское слово. 1893. № 18. С. 656–661.
10. *Палкин А. С.* Единоверие в середине XVIII — начале XX века: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург, 2016.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 205. Д. 508, 510, 857.
12. РГИА. Ф. 832. Оп. 1. Д. 49.
13. РГИА. Ф. 1609. Оп. 1. Д. 282.
14. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. СПб.: Тип. МВД, 1860. Кн. 2 (1801–1858).
15. *Юхименко Е. М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставою. М., 2005.

Alexander S. Palkin

P. A. VALUEV'S PLANNED REVIEW OF THE LEGISLATION ON OLD BELIEVERS IN 1863

Abstract

In this article the 'Note on the Review of the Legislation about Schismatics' composed in 1863 by P. A. Valuev is examined. Written in the context of the political changes in the first few years of Alexander II's reign, this note has been discussed by a range of publications dedicated to studying the Russian government's confessional policy in this era: however, a detailed analysis has not yet taken place in the scholarly literature. Within the note, the conservative tendencies of the Nicholaevan period and new trends emerging from liberally inclined people surrounding Alexander II are intertwined with one another. Thus, there are a range of contradictions that reflect both the inconsistencies present during the transitional early period of Alexander's reign and the problems in the relationship between the state, the Orthodox Church, and the Old Believers.

The author traces the influence on the 'Note' of the previous legislation regarding the Old Believers and discussions about the Old Believer question. Some of the theses within the

'Note' led to a new turn in the debates about Old Belief and Edinoverie from the side of the ecclesiastical and secular authorities: they also served as the basis for reform of the legislation on Old Belief in the 1860s and 70s.

Not all of the points and principles in the 'Note' were realised. However, the study of the plan's unrealised or semi-realised reforms is an important research subject. By putting detailed sources into circulation one can better understand the decision-making mechanisms employed during the writing of new laws and the implementation of reform.

Keywords: *Old Believers, Edinoverie, Great Reforms, P. A. Valuev, S. S. Lanskoj, Alexander II, Metropolitan Filaret (Drozdov), legislation on Old Believers.*

References

1. Baidin V. I. *Staroobriadchestvo Urala i samoderzhavie (konets XVIII — seredina XIX vv.): diss. ... kand. ist. nauk* [The Ural Old Believers and Autocracy (late 18th — mid 19th century). Candidate of Historical Sciences dissertation]. Sverdlovsk, 1983.
2. Beloborodov S. A. *Staroobriadcheskie sviashhenniki Nizhnego Tagila v kontse XVIII — pervoi treti XIX v.* [The Old Believers priests of Nizhnii Tagil (late 18th — 1st third of 19th century)]. *Ural'skii sbornik. Istorii. Kul'tura. Religii. Social'no-politicheskaia istoriia — Ural Collection. History. Culture. Religion. Social-political History*. Ekaterinburg, 2009, vol. 7, part 1, pp. 167–178.
3. Bolotov V. V. *Dvadtsat' let zakonodatel'nykh reform po raskolu* [Twenty years of legislative reforms on the schism]. *Khristianskoe chtenie — Christian Reading*, 1886, no. 3–4, pp. 465–490.
4. *Dnevnik P. A. Valueva, ministra vnutrennikh del: v dvukh tomakh. T. 1 (1861–1864)* [Diary of P. A. Valuev, minister of internal affairs, in two volumes. Vol. 1 (1861–1864)]. Moscow, 1961.
5. *Ershova O. P. Staroobriadchestvo i vlast'* [The Old Believers and the Authorities]. Moscow, 1999.
6. Iukhimenko E. M. *Staroobriadcheskii tsentr za Rogozhskoi zastavoiu* [The Old Believers center behind Rogozhskaya zastava]. Moscow, 2005.
7. *Izvlecheniia iz raspriazhenii po delam o raskol'nikakh pri imperatorakh Nikolae i Aleksandre II, popolnennyye zapiskoiu Mel'nikova* [Extracts from orders on the Old Believers affairs in the reigns of Nicholas and Alexander II, added with a note of Mel'nikov]. Leipzig, 1882.
8. Marsden T. *The Crisis of Religious Toleration in Imperial Russia: Bibikov's System for the Old Believers, 1841–1855*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
9. *Odna iz dostopamiatnykh rechei imperatora Nikolaia Pavlovicha* [One of the commemorative speeches of Emperor Nikolai Pavlovich]. *Bratskoe slovo — Brother's Word*, 1893, no. 18, pp. 656–661.
10. Palkin A. S. *Edinoverie v seredine XVIII — nachale XX veka: obshherossiiskii kontekst i regional'naia spetsifika* [Edinoverie in the middle of 18th — early 20th century: the all-Russian context and regional specifics]. Ekaterinburg, 2016.

А. С. Палкин

11. RGIA (The Russian State Historical Archive). St. 796. L. 205. Doss. 508, 510, 857.
12. RGIA. St. 832. L. 1. Dos. 49.
13. RGIA. St. 1609. L. 1. Dos. 282.
14. *Sobranie postanovlenii po chasti raskola, sostoiavshikhsia po vedomstvu Sv. Sinoda. Kn. 2 (1801–1858)* [Collection of the orders made by Holy Synod towards the Old Believers. Vol. 2 (1801–1858). Saint Petersburg, 1860.
15. Vsepoddanneishii doklad ministra vnutrennikh del Lanskogo [A loyal report of the minister of internal affairs Lanskoï]. *Bratskoe slovo — Brothers' Word*, 1891, vol. 2, pp. 642–646.